

**Роль цитат из произведений русской литературы
в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»**

Текст романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», наполненный духом отечественной культуры, обнаруживает обширные интертекстуальные связи. Наряду с цитатами из христианских источников, в нем важную роль играют цитаты из произведений русской классической литературы. Это строки из «Слова о полку Игореве», из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Г.Р. Державина, И.С. Никитина, В. Жуковского, Я. Полонского, А.А. Фета, Н.М. Языкова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого.

К числу «того самого важного, из чего образовался жизненный состав» главного героя романа Бунина Арсеньева, сам он относил и русскую литературу. Чувствуя в себе пробуждение дара слова, Арсеньев «ощущал свою кровную принадлежность» к литературе, к миру Жуковского, Баратынского, Пушкина, Лермонтова, Толстого, «с тех самых пор, как только узнал о них, на их портреты глядел как на фамильные» [1: 82]. Русская классическая литература явилась одним из средств самовыражения главного героя романа [2].

Каждый из названных авторов по-своему «актуализировал субстанциональность характера и интенциональность исканий Арсеньева» [4: 86], но особо из своего «жизненного состава» он выделял Пушкина. «Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью...» [1: 306]. Пушкин навсегда остался для героя романа волшебником, «простая» и «легкая» тайна дара слова которого так и осталась неразгаданной: «Пушкин поразил меня своим колдовским прологом к «Руслану и Людмиле»:

*У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...*

Казалось бы, какой пустяк – несколько хороших, пусть даже прекрасных, на редкость прекрасных стихов! А меж тем они на весь век вошли во все мое существо, стали одной из высших радостей, пережитых мною на земле» [1: 33]. В юности Пушкин, по признанию героя, был для него «подлинной частью жизни» [1: 306]. «...Больше всего был я с Пушкиным. Сколько чувств рождал он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства и все то, среди чего и чем я жил!» [1: 109]. В его стихах Арсеньев находил гениальные формулы для выражения и многообразия проявления бытия, и полноты человеческих чувств: «Вот я просыпаюсь в морозное солнечное утро, и мне вдвойне радостно, потому

что я восклицаю вместе с ним: «Мороз и солнце, день чудесный», – с ним, который не только так чудесно сказал про это утро, но дал мне вместе с тем и некий чудесный образ: ещё ты дремлешь, друг прелестный... <...> Вот я в постели, и горит «близ ложа моего печальная свеча», – в самом деле печальная сальная свеча, а не электрическая лампочка, – и кто это изливает свою юношескую любовь или, вернее, жажду её – я или он?

*Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!» [1: 109].*

Так, о пробуждении творческого дара герой говорит строчками стихов из романтического «Певца» и строками из лирического отступления 8 главы «Евгения Онегина»:

*В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться стала Муза мне.*

Если Пушкин являл собой в романе идеал гармоничного, светло-мироощущения, то Лермонтов был созвучен душе Арсеньева, прежде всего, тоской по чему-то прекрасному, но невыразимому. Наряду со скрытыми цитатами, Бунин вводит одну прямую цитату из Лермонтова, которая выделяет то, что было главным для Арсеньева в мире поэта, что отвечало движениям его души, помогало созданию ее образа:

*Немая степь синее, и кольцом
Серебряным Кавказ ее объемлет,
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет.
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит, не умолкая...*

«Какой дивной юношеской тоске о далеких странствиях, какой страстной мечте о далеком и прекрасном и какому заветному душевно-му звуку отвечали эти строки, пробуждая, образуя мою душу!» [1: 109].

Этот лермонтовский текст, вступая в открытый диалог с бунинским текстом, подчеркивает, актуализирует важнейшие сюжетобразующие мотивы и «сквозные» пространственные образы романа: прежде всего, это даль, степь – образы открытого пространства, зовущего в странствия, которые вызывают у Арсеньева томление по чему-то, трансцендентному, но заветному и необходимому. Кавказ-великан, царящий над миром, выступает символом одинокой души героя.

Образ Лермонтова как знаковой фигуры связан в романе и с развитием темы судьбы. В один из поворотных моментов жизни, когда Арсеньев решает изменить ее привычный, обыденный ход, размышляя

о своем предназначении, он вспоминает и думает о Лермонтове: «Какая жизнь, какая судьба! Всего двадцать семь лет, но каких бесконечно богатых и прекрасных, вплоть до самого последнего дня <...> Я подумал все это с такой остротой чувств и воображения, и у меня вдруг занялось сердце таким восторгом и завистью, что я даже вслух сказал себе, что довольно наконец с меня Батурина!» [1: 136].

В общем контексте звучания лермонтовской темы в романе фамилия главного героя – Арсеньев – рождает ассоциативную связь с родом Лермонтова по материнской линии, приобретая характер «знака героя», актуализируя в произведении Бунина экзистенциальные проблемы, глубоко волновавшие автора «Героя нашего времени».

Особо в «составе» своей души Арсеньев выделяет то впечатление, которое произвела на него «Страшная месть» Н.В. Гоголя. Что же так поразило мальчика в гоголевской повести, что воспоминание о ней сохранилось на всю жизнь? Арсеньев приводит полторы страницы цитат из текста «Страшной мести», передающих атмосферу зловещей тайны сюжета повести и её неповторимого ритма: «Шумит, гремит конец Киева: есаул Горобець празднует свадьбу своего сына. Наехало много людей к есаулу в гости...». Но больше всего Арсеньеву запомнился эпилог: «Несравненной всего – эпилог: за пана Степана, князя Семиградского, жило два козака: Иван да Петро...» [1: 34].

Проследив сюжет повести и дойдя до развязки, Бунин устами своего героя говорит о колоссальной нравственной силе идеи рассказанной Гоголем истории. Апофеозом этого звучит признание Арсеньева о потрясающем впечатлении, которое произвела на него гоголевская повесть: «Страшная месть» пробудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, – чувство священной необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в него. В минуту осуществления его торжества и его праведной кары оно повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей высшей любви и к Богу, и к ближнему...» [1: 35]. Именно выражением этого нравственного урока, этого закона бытия на всю жизнь запомнилась Арсеньеву гоголевская «Страшная месть».

Цитаты из произведений Гоголя предстают как частотные в 5 книге романа, события которой происходят в южном городке, наполненном памятью о Гоголе и поэзией его творчества. «В этом городе учился Гоголь, весь окрестный край был его, – Миргород, Яновщина, Шишаки,

Яреськи...» [1: 406]. Буниным подчёркивается чувственная роскошь малороссийской природы, её насыщенность солнечным светом, яркими красками, запахами. Наряду с мотивами света, солнца, тепла, в описании Украины лейтмотивными являются мотивы цветения природы, которые в сочетании с мотивами радости актуализируют образ райского сада: «милая скромность празднично-цветущих вишнёвых садов»; «город весь в густых садах»; «густая трава, цвет, белые бабочки, в бабочках уже лето»; «в городе многие улицы казались тесны от садов и тополей», «стоит май, много было гроз и ливней, и как блестяще зеленели тополя своей крепкой листвой, как светло и смолисто благоухали!».

Южная природа как будто звала к наслаждению человеческим счастьем. Гоголевские цитаты, рисующие картины пьянящей роскоши украинской природы, помогают почувствовать это. Арсеньев и Лика часто вспоминали гоголевские строки: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!», «изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами»...

– Это как-то волшебно хорошо. Я ужасно хотела бы побывать в Миргороде. Непременно надо как-нибудь поехать» [1: 406].

Однако полная погружённость в земное счастье не приносит Арсеньеву душевного успокоения. Именно об этом свидетельствует вернувшаяся к герою огромная потребность в движении, пути, поиске. Поэтому так тянет к себе Арсеньева дорога, даль, простор степи: они таят в себе пока ещё неясную интенциональную перспективу, создают ситуацию прорыва в новое экзистенциональное измерение. Об этой потребности в движении Арсеньев не раз говорит прямо, в виде признаний, а также опосредованно, с помощью цитат из христианских источников, из произведений русской классической и зарубежной литературы, из украинской литературы, русского и украинского народного творчества. Так, несколько раз упоминается гоголевская «степная чайка» – символ свободы и простора, о которой Арсеньев говорит с таким восхищением за «соединение в ней степи и моря» [1: 224].

Еще один важный интертекстуальный пласт романа «Жизнь Арсеньева» – это цитаты из произведений Л.Н. Толстого, великого художника и великого искателя истины, влияние которого на Бунина было огромным. В Арсеньеве постоянно живет смутное ощущение необходимости чего-то более значительного, чем самоутверждение в жизни и упоение счастьем. Поэтому звучат в его душе слова умирающего князя Андрея: «Ничего нет в жизни кроме ничтожества всего понятного мне, и величия чего-то непонятого, но важнеего...» [1: 137]. Осознание этой сокровенной тайны бытия, как и осознание собственных

ошибок, ведет Арсеньева к дальнейшим экзистенциальным поискам.

Цитаты из произведений русской литературы помогают раскрытию внутреннего мира Арсеньева, пониманию психологического строя личности героя, его идеалов, мироощущения, жизненных устремлений и исканий. Восприятие Арсеньевым художественных миров русских поэтов, писателей способствует воссозданию картины души героя. Кроме того, цитаты в романе «Жизнь Арсеньева» осуществляют ещё одну важную функцию: являются способом выражения авторского сознания и ведущих авторских идей.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1987.
2. Витковская Л.В., Головченко И.Ф. Шекспир и Лермонтов: межкультурная интертекстуальность // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. М., 2015. С. 123-128.
3. Кичева И.В. К вопросу о профессиональной языковой личности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 193-196.
4. Ковалева Т.Н. Художественное время-пространство романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: дис ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 188 с.
5. Ковалева Т.Н. «Все Тобой сотворено...»: пантеистическая лирика И.А. Бунина // Университетские чтения-2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Ч. IX. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 35-39.
6. Ковалева Т.Н. Типы художественного времени и их роль в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. Т. 14. С. 354-376.
7. Мурнаева Л.И. Лермонтов – Кавказ: система кавказских традиций, символов, типов, образов // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. № 1 (12). С. 77-88.
8. Федотова И.Б. Функционально-рациональный подход в историко-педагогических исследованиях // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 294-299.